

СОВЕТСКИЙ ВЕК

Соломон
Шварц

ПОЗОР ТЕМ, КТО СЕЕТ ВРАЖДУ К ЕВРЕЯМ!
ПОЗОР ТЕМ, КТО СЕЕТ НЕНАВИСТЬ К ДРУГИМ НАЦИЯМ!

ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМ
В СССР

Советский век

Соломон Шварц

Евреи и антисемитизм в СССР

«Алисторус»

1952

УДК 323(470+561)
ББК 66.5

Шварц С. М.

Евреи и антисемитизм в СССР / С. М. Шварц — «Алисторус»,
1952 — (Советский век)

ISBN 978-5-00269-392-4

Евреи в СССР... Этот вопрос всегда будет занимать исследователей и всех неравнодушных людей. В этой книге есть все о жизни евреев в первом в мире государстве рабочих и крестьян, о чем вы хотели знать, но боялись спросить. Соломон Шварц, революционер-меньшевик, эмигрировавший из Советской России в 1922 году, был признанным мировым лидером по изучению еврейского вопроса в СССР. Живя и публикуясь в Нью-Йорке, профессор Шварц был необъективен, гнул свою линию. Но ему удалось собрать уникальный материал по истории советского еврейства. Он создал хронику антисемитских проявлений в СССР - и в политике, и в быту. Из труда Шварца черпал информацию А. Солженицын в работе над книгой «200 лет вместе». Эта книга, ставшая мировой сенсацией, предназначена для широкого круга читателей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 323(470+561)
ББК 66.5

ISBN 978-5-00269-392-4

© Шварц С. М., 1952
© Алисторус, 1952

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	11
Первые вести о новой волне антисемитизма	12
Антисемитизм в рабочей среде	15
Происхождение антисемитизма среди рабочих	19
Антисемитизм в высшей школе	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Соломон Шварц Евреи и антисемитизм в СССР

Серия «Советский век»

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

В сложном клубке вопросов о Советском Союзе вопрос об антисемитизме принадлежит к числу наиболее спорных. Высказываемые по этому вопросу мнения часто прямо полярны:

Советский Союз – страна осуществленного национального равенства, единственная в мире страна со значительным еврейским меньшинством, не знающая антисемитизма.

Советский Союз – страна с чрезвычайно развитым антисемитизмом, далеко оставляющим позади антисемитизм старой России.

Таковы два наиболее часто высказываемых положения. В подтверждение и того, и другого приводятся некоторые факты, частью верные, частью не отвечающие или не вполне отвечающие действительности. И хотя наличие в Советском Союзе каких-либо элементов антисемитизма сейчас уже не вызывает более сомнений у сколько-нибудь осведомленных и самостоятельно мыслящих людей, вопрос в целом остается недостаточно выясненным, и независимое общественное мнение, относящееся с естественным недоверием к упрощенным «про-советским» или «антисоветским» формулам, остается дезориентированным.

В настоящей работе, предпринятой по инициативе Американского Еврейского Комитета, автор поставил себе задачу выяснить социально-психологические корни советского антисемитизма, формы и результаты борьбы с ним, степень распространенности и динамику антисемитизма в Советском Союзе.

Автор – еврей, что в глазах многих ставит под сомнение объективность его анализа антисемитизма. И автор – русский социалист, решительный противник коммунистической диктатуры, что тоже в глазах многих ставит под сомнение объективность его анализа советской действительности. Это обычно аргументы для людей с готовыми, предвзятыми мнениями, отмахивающихся от фактов, не укладывающихся в привычную для них схему мысли. Но в этих аргументах есть и здоровое зерно: еврей, тем более после страшного десятилетия с середины тридцатых до середины сороковых годов, нелегко сохранить объективность в анализе антисемитизма; и демократу и социалисту нелегко оставаться безупречно объективным при анализе советского развития. Отдавая себе отчет в этих трудностях, автор стремился со всем доступным ему беспристрастием – не необходимо с бесстрастностью – и постоянно проверяя самого себя, проанализировать и по возможности обобщить весь доступный материал по вопросу об антисемитизме в Советском Союзе и представить этот материал в такой форме, которая обеспечила бы читателю возможность непосредственного знакомства с фактами, критической проверки выводов автора и самостоятельного суждения об анализируемых сложных социальных явлениях. Для достижения этой цели автор в частности очень пространно – гораздо пространнее, чем это отвечает обычным литературным требованиям, – цитировал источники, особенно малодоступные читателю советские источники.

* * *

Для облегчения читателю ориентировки в вопросе изложу здесь вкратце схему развития антисемитизма в Советском Союзе, как она представляется мне в результате работы над материалом, лежащим в основе этой книги. Схема эта отлична от господствующих представлений, отлична и от того, как я сам представлял себе развитие антисемитизма в Советском Союзе до того, как занялся специальным изучением вопроса.

Согласно распространенным, особенно вне Советского Союза, представлениям, после окончания гражданской войны в России, ознаменовавшейся кровавыми еврейскими погро-

мами, антисемитизм быстро пошел на убыль и вскоре почти исчез, изредка прорываясь отдельными эпизодами, в которых находило свое выражение печальное «наследие прошлого». Эти представления в основном отвечали действительности, как она сложилась в первой половине двадцатых годов. Но они находятся в глубоком противоречии со всем дальнейшим развитием.

С середины двадцатых годов в Советском Союзе поднялась новая волна антисемитизма, которая вскоре привлекла к себе внимание советской печати и вызвала довольно значительную антианти семитскую литературу (список ее приводится ниже в прим. 31 к гл. III). Однако вопреки официальной советской концепции, антисемитизм второй половины двадцатых годов отнюдь не был отголоском старого антисемитизма («наследие прошлого»), принесенным в города отсталыми элементами, выходцами из деревни, а возник в среде разоренных и деклассированных средних слоев города. В этом происхождении антисемитизма второй половины двадцатых годов находит свое объяснение факт проникновения антисемитизма в верхние слои рабочего класса, в среду учащихся высших учебных заведений, в среду членов компартии и комсомола. Свое идеологическое обоснование этот антисемитизм находил в упрощенной критике социальных отношений, как они сложились на почве НЭПа, и в вульгарном представлении о евреях как о главных носителях НЭПа.

После того как на пороге тридцатых годов страна перешла к политике форсированной индустриализации (политике пятилетних планов), произошло резкое изменение всей экономической и социальной обстановки в Советском Союзе, сопровождавшееся огромным увеличением спроса на труд, исчезновением безработицы и глубокой социальной и экономической перегруппировки населения. В этой обстановке антисемитизм, как он сложился во второй половине двадцатых годов, резко пошел на убыль, и в середине тридцатых годов он утратил характер массового явления.

Во второй половине тридцатых годов начался, однако, новый подъем кривой антисемитизма, пробуждение нового антисемитизма, нового по той социальной среде, в которой он возник, нового и по своим формам. Это был ползучий, сначала, возможно, только полусознанный антисемитизм верхнего слоя советской бюрократии, избегавший открытых проявлений и выражавшийся в основном в оттеснении евреев на задний план во всех сферах советской жизни. «Большая чистка» 1936–1938 годов, сопровождавшаяся обострением борьбы против интернационалистских элементов в компартии и резко сказавшаяся в уничтожении большинства сколько-нибудь выдвинувшихся евреев-коммунистов, чрезвычайно благоприятствовала развитию этого нового антисемитизма. На пороге сороковых годов он получил широкое распространение в Советском Союзе.

Развитие это подготовило почву для огромного роста в годы войны влияния антисемитизма, уже не этого ползучего и полускрытого, а активного и открытого антисемитизма. Отсылая читателя к пятой главе книги, где подробно выясняются причины этого развития антисемитизма, отмечу здесь лишь то, что не только задача гитлеровской антисемитской пропаганды была значительно облегчена всем предшествующим советским развитием. Независимо или почти независимо от гитлеровской пропаганды, в глубоком советском тылу антисемитизм в годы войны вошел в быт. И антисемитизм остро сказался даже в организованном советском движении сопротивления в тылу у немцев.

Послевоенное развитие не представляется еще сейчас достаточно ясным. На Украине, где в годы войны агрессивный антисемитизм получил наибольшее развитие и где антисемитизм является популярной формой антисоветских настроений и вызывает поэтому тревогу в правительственных кругах, правительство, не выступая открыто против антисемитизма, по-видимому, повело в послевоенные годы борьбу против него по партийной линии, без публичной огласки, и достигло в этом отношении некоторых успехов. Вне Украины развитие протекает медленнее, при безучастном отношении власти, но и здесь специфический активный антисемитизм военного времени, по-видимому, ослабел, но с тем большей отчетливостью сказыва-

ется усиление того «нового» советского антисемитизма, который начал складываться во второй половине тридцатых годов.

* * *

Автор стремился опираться в своей работе по возможности на первоисточники, т. е. прежде всего на советские источники: на советскую периодическую и непериодическую печать на русском и еврейском языках. Это заведомо неполный источник, к тому же нередко сознательно искажающий действительность применительно к нуждам официальной концепции. Концепция эта в вопросе об антисемитизме не оставалась на протяжении десятилетий неизменной, но в основе ее всегда лежал один из двух тезисов: тезис о полном преодолении антисемитизма в Советском Союзе и тезис о наличии в Советском Союзе антисемитизма, как пережитка прошлого. Случалось и так, что оба тезиса жили в какой-то причудливой комбинации параллельной жизнью. Тезисы эти – и каждый порознь, и оба вместе – не отвечают действительности. Это, конечно, хорошо знают и в Советском Союзе, но это ни в какой мере не оказывало влияния на трактовку антисемитизма в советской печати.

Такое состояние советских источников и скудость источников познания Советского Союза, свободных от советского официального контроля, очень затрудняют изучение советской действительности и вынуждают собирать фактические данные по крупицам и реконструировать сложную картину советской современности на основе анализа частичных данных или на основе изучения явлений, находящихся в более или менее отдаленной связи с действительным предметом изучения.

Эта работа по методу своему несколько напоминает работу археолога, на основании большого числа фрагментарных данных восстанавливающего сложную картину далекого прошлого, с той лишь разницей – в пользу изучения советской действительности, – что действительность эта значительно ближе нам, и что перед исследователем ее все же иногда встает возможность проверить результаты его работы показаниями живых свидетелей советской современности.

Для новейшего периода открылся новый источник изучения проблемы антисемитизма в Советском Союзе. Это показания большого числа евреев-беженцев из Советского Союза и польских евреев, проводивших годы войны в Советском Союзе (в лагерях, в ссылке и в качестве свободных граждан). И эти показания требуют критического к себе отношения, но они все же в подавляющем большинстве случаев свободны от стремления сознательно подгонять изображение виденного и пережитого к определенной обязательной схеме. Источник этот пока мог быть использован лишь в очень узких пределах. Систематическая работа по собиранию такого рода сведений еще почти не ведется. Но и то сравнительно немного, что было пока сделано, позволяет более ясно видеть некоторые явления. Читатель найдет ниже, в главе пятой, указания на эти источники.

Для выяснения вопроса об антисемитизме в районах немецкой оккупации ценным дополнительным источником являются становящиеся постепенно доступными для изучения немецкие архивы. В немецких документах, не предназначавшихся для опубликования, имеется множество в общем отвечающих действительности подробных сообщений о проведении в жизнь политики истребления евреев и об отношении местного населения к этой политике и к евреям вообще. Значительное число такого рода документов, хранящихся в архивах Еврейского научного института (ИВО) в Нью-Йорке, было использовано для настоящей работы.

Специальный и очень ценный материал имеется и по вопросу о еврейской проблеме в партизанском движении и в партизанских районах. Материал этот позволяет выяснить взаимоотношения между евреями и неевреями в партизанском движении и между евреями-партизанами и местным нееврейским населением. Материал этот систематически собирался еврейской исторической комиссией в Польше, создавшей обширный архив показаний партизан-евреев,

среди которых есть немало бывших участников советского партизанского движения (часть этого архива имеется в копиях в ИВО). И огромный материал собран организациями самих партизан. Среди них наибольшую активность проявила историческая комиссия Союза (бывших) партизан (евреев) «Пахах» в Италии. Итоги работы этой комиссии были опубликованы в виде большого исследования, широко использованного в главе пятой этой работы.

Подробные указания на все эти и другие источники читатель найдет в тексте книги и особенно в примечаниях.

* * *

Работа эта вышла в свет в 1951 году по-английски вместе с более значительной по объему работой автора «Политика национальностей и еврейский вопрос в СССР». Обе вместе образуют большой том: «Евреи в Советском Союзе», опубликование которого по-русски – при теперешнем состоянии русского книжного рынка вне СССР – невозможно.

В настоящем издании работа несколько дополнена, в частности, в нее включен подробный анализ всех доступных данных об эвакуации евреев в Советском Союзе в годы Второй мировой войны. Вопрос этот прямого отношения к теме об антисемитизме не имеет. Но широко распространенное за границей мнение о проводившейся будто бы советским правительством политике спасения евреев, находившихся под угрозой истребления их Гитлером, является, может быть, главной основой ложных представлений о действительном состоянии вопроса об антисемитизме в Советском Союзе: можно ли допустить мысль о поощрении или хотя бы о толерировании антисемитизма советским правительством, если это правительство проявило такую исключительную активность в деле спасения евреев?

Это серьезный аргумент, требующий тщательной проверки всего материала об эвакуации евреев в Советском Союзе в годы войны. Автор пытался разрешить эту задачу в приложении к книге.

Нью-Йорк.

Февраль 1952 года

С. Шварц

Глава первая

Подъем антисемитизма во второй половине двадцатых годов

В старой России антисемитизм не имел глубоких корней в народных массах. На русском антисемитизме последних десятилетий перед революцией лежала явственная официальная печать: это был один из элементов правительственной политики, и антисемитизмом была заражена лишь часть верхних слоев общества, особенно чиновничество, и кое-где часть средних слоев города. В широких массах народа антисемитизма почти не было, да и сама проблема отношения к еврейству перед ними не вставала, так как широкие слои русского народа почти не соприкасались с евреями.

Более или менее глубокие корни в народных массах антисемитизм имел в старой России лишь в некоторых частях так называемой черты оседлости, главным образом на Украине, где еще со времени польского господства, в силу особых условий, на которых здесь не приходится останавливаться, настроения антисемитизма имели очень широкое распространение в крестьянстве. Но и здесь до революции антисемитизм, за исключением редких и коротких моментов, не принимал напряженного характера, а погромы 80-х годов прошлого столетия и начала двадцатого века были городским явлением, сознательно вызывавшимся органами правительства и привлекавшим в основном лишь сравнительно немногочисленных, главным образом городских подонков. Да и по размаху своему эти погромы, потрясшие в свое время совесть мира, сейчас, в свете опыта позднейших лет, в частности по сравнению с волной погромов, прокатившихся по стране в 1918–1920 годах (не говоря уже о гитлеровской политике прямого истребления евреев), кажутся относительно ограниченным явлением.

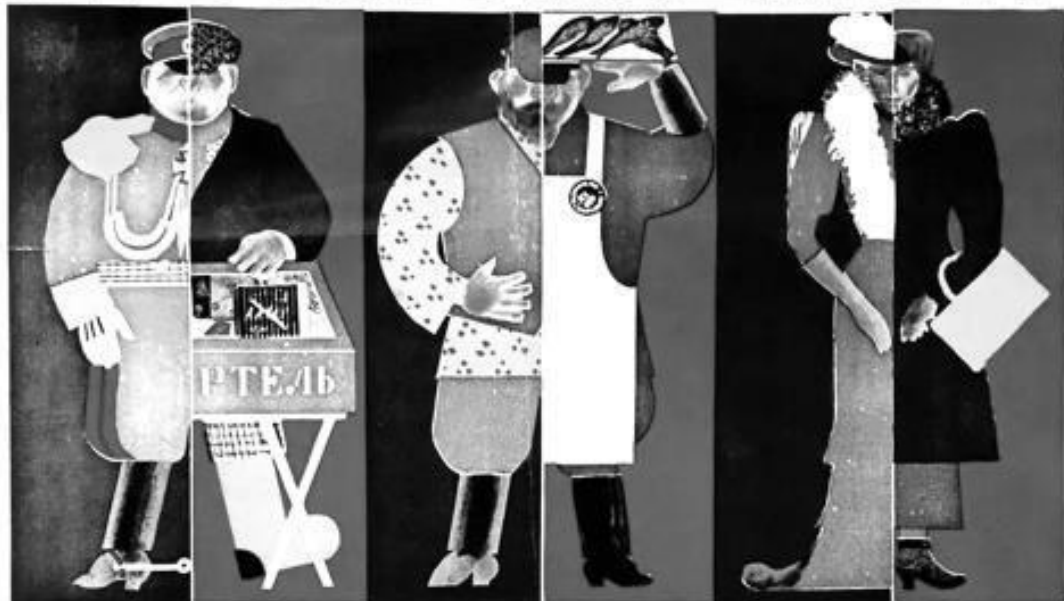
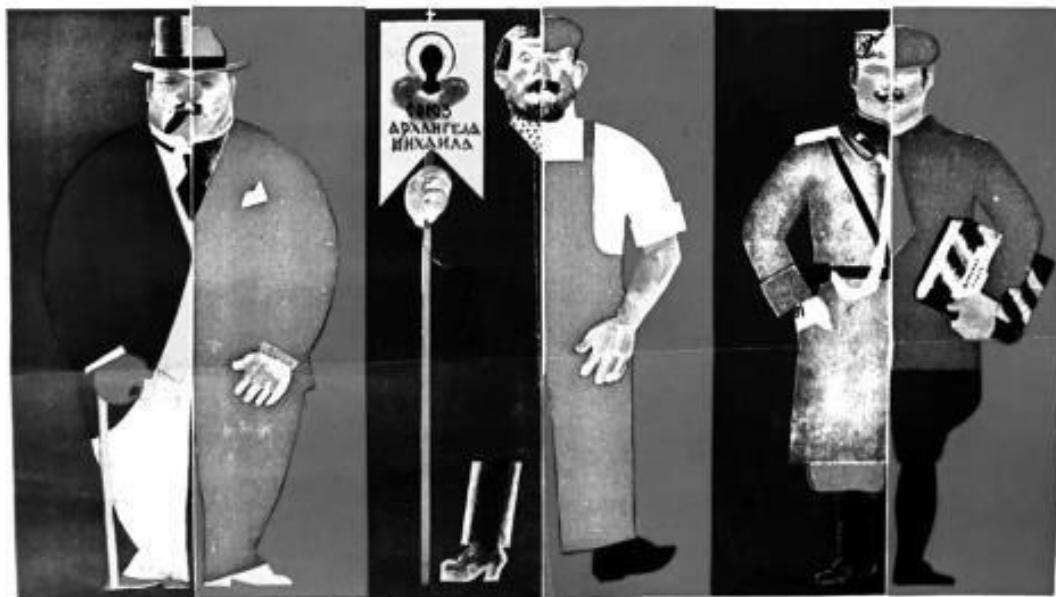
В годы революции, особенно в годы гражданской войны и в районах, где гражданская война приняла наиболее напряженный характер, антисемитизм вырос чрезвычайно и превратился в одно из наиболее острых орудий контрреволюции, широко захватив, особенно на юге и юго-востоке, основную толщу городского и сельского населения. К этому времени относится часто цитировавшееся впоследствии, но в свое время в Советской России мало обратившее на себя внимание постановление советского правительства об энергичной борьбе с антисемитизмом и об объявлении погромщиков «вне закона» (Известия. 1918. 27 июля..). На этом постановлении я остановлюсь ниже при анализе борьбы с антисемитизмом мерами уголовной репрессии.

С окончанием гражданской войны антисемитизм в Советской России, казалось, начал быстро идти на убыль, и не только в официальных советских кругах, но и в широких кругах за границей, особенно в кругах заграничного еврейства, в годы, непосредственно следовавшие за окончанием гражданской войны, получила широкое распространение мысль, что антисемитские настроения в России, поскольку они еще сохраняются, являются лишь отголоском недавнего прошлого, что антисемитизм быстро и окончательно сходит здесь на нет.

Первые вести о новой волне антисемитизма

Этому оптимизму, однако, вскоре был нанесен тяжелый удар. Советская печать сначала просто не замечала нового роста антисемитизма, – по-видимому, действительно не замечала, а не замалчивала его. Но, начиная с 1926 года, в руководящих советских кругах начали бить тревогу.

КТО АНТИСЕМИТ?

[illegible][illegible]

ЭТИ-ТО ЛЮДИ, ОТ ЗЛОБЫ ЗВЕРЕЙ,
ТЕМНЫХ НАУСЬКИВАЮТ НА ЕВРЕЯ.

Одним из первых поднял публично вопрос об антисемитизме председатель Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов М. И. Калинин. Откликаясь на обращенное к нему письмо молодого крымского коммуниста Овчинникова, встревоженного созданием в Крыму еврейских сельскохозяйственных колоний, Калинин летом 1926 года писал (Калинин М. Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым; // Известия, 1926. 11 июля.):

«Писем, записок на митингах, как с подписью, так и без подписи по еврейскому вопросу вообще и по переселению евреев в Крым, в частности, очень много. Одни из них явно черносотенны и антисемитичны, другие, как письмо тов. Овчинникова, стремятся искренне выяснить, почему евреям ворожит советская власть. Между прочим, очень характерный штрих: по словам тов. Грандова [редактора газеты для крестьян «Беднота» издания ЦК ВКП], за последние четыре года среди крестьянских писем в «Бедноту» совершенно не было заметно писем по еврейскому вопросу, лишь за последнее время они появились в связи с переселением евреев в Крым».

Митинги, на которых Калинин получал «очень много» записок «по еврейскому вопросу», это, главным образом, рабочие митинги на заводах. Антисемитизм, о котором писал здесь председатель Президиума ЦИКа, это антисемитизм, главным образом, в рабочей и в крестьянской среде. Несколькими месяцами позже – в ноябре 1926 года – на I съезде Общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР, так наз. ОЗЕТ, Калинин остановился на антисемитизме и среди интеллигенции («Первый Всесоюзный Съезд ОЗЕТ в Москве, 15–20 ноября 1926 года. Стенографический отчет»; М., 1927. С. 65):

«Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это вполне естественно. В первые дни революции в канал революции бросилась интеллигентская и полуинтеллигентская городская еврейская масса. Как нация угнетенная, никогда не бывшая в управлении, она, естественно, устремилась в революционное строительство, а с этим связано и управление... В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления».

Для понимания той растерянности, которая царила в руководящих советских кругах перед лицом внезапно обнаружившейся широкой распространенности в стране антисемитизма, чрезвычайно характерна беспомощная аргументация Калинина (там же):

«Для еврейского народа, как нации, это явление [т. е. широкое участие евреев в “революционных органах”] имеет громадное значение, и, я должен сказать, значение отрицательное [!]. Когда на одном из заводов меня спросили: “Почему в Москве так много евреев?” – я им ответил: “Если бы я был старый раввин, болеющий душой за еврейскую нацию, я бы предал проклятию всех евреев, едущих в Москву на советские должности, ибо они потеряны для своей нации”. [Это был ужасный ответ: аргумент о “потере для еврейской нации” просто не дошел до сознания аудитории Калинина, а по существу его аргументация должна была подкрепить антисемитские настроения на заводе]. В Москве евреи смешивают свою кровь с русской кровью, и они для еврейской нации со второго, максимум с третьего поколения потеряны, они превращаются в обычных русификаторов [!].»

Антисемитизм в рабочей среде

Особенную тревогу, естественно, вызвал тот факт, что антисемитизм во многих местах глубоко проник в эти годы в рабочую среду, остававшуюся почти непроницаемой для антисемитизма до революции. Сообщения об антисемитизме в рабочей среде, относящиеся ко второй половине двадцатых годов, очень многочисленны, но при неполноте доступных нам источников (сообщения о фактах антисемитизма рассеяны главным образом в местной советской печати, почти не проникающей за границу, и в еврейской советской печати и в «Комсомольской Правде», в доступных в Нью-Йорке библиотеках, представленных за 20-е годы лишь очень отрывочно. Ценным дополнением к имеющимся в Нью-Йорке советским материалам являются телеграммы из Советского Союза Еврейского телеграфного агентства, всегда основанные на данных советской печати – иначе советская цензура их не пропускала, – особенно еврейской) и по самому характеру материала данные об антисемитизме не поддаются статистической обработке, и интересующее нас явление может быть показано лишь на ряде отдельных типичных фактов.

В вышедшей в 1928 году книге «Против антисемитов» автор пишет, что после того, как в феврале 1927 года он опубликовал в одной московской газете (в «Комсомольской Правде») несколько статей об антисемитизме, в редакцию начали «каждый день» поступать «десятки откликов». «Видимо, затронул я вопрос больной и жгучий, высказал то, что наболело у многих товарищей» (Горев Мих. Против антисемитов. Очерки и зарисовки; М.; Л., Госиздат., 1928. С. 9–12):

«Все эти отклики говорили, что в известных слоях рабочих за последнее время опять [?] появились антисемитские настроения, что антисемитизм проникает в комсомол, что антисемитским настроениям поддается иногда и кое-кто из партийцев».

«У нас в Канавине (Нижегор. губ.), – пишет Б. Соловецкая, – антисемитизм растет с каждым днем и не только среди беспартийных, но, к сожалению, и среди коммунистов».

Тов. Гуфельд из Смелы (Черкасск. окр.) передает:

«В 1925–1926 годах я работал в Смеле на сахарном заводе. Антисемитизм был здесь сильно распространен. Бывало новичка-жиденка поставят на лафет, лафет разгонят и требуют, чтобы он, жиденок, скакал с лафета на полном ходу. Скоро придумали новое удовольствие – обливать новичка-жиденка горячей водой. Или же выстроятся в две колонны и под гиканье, улюлюканье начнут перебрасывать еврея из одной колонны в другую. При выдаче же спецодежды заведующий двором у нас прямо заявил:

– Длинноносым Хаимам и Гершкам спецодежды не выдам: пусть идут торговать!»

О совершенно возмутительном случае, имевшем место в Харькове, на Госспиртзаводе № 2 имени 1 Мая, передает наш корреспондент тов. Райе:

«Был со мною этот случай во время перерыва, когда был завтрак. Разговорились мы с одним комсомольцем. Он сейчас же бросил мне упрек: “Ты еврей, и тебе не следует вмешиваться в разговор!”

Тут началась ссора. Я ему объясняю, что такое рассуждение неправильно, а он, насмехаясь, начал кричать: “Эй ты, жидовская морда! Что вам здесь нужно? Отдельную республику хотите устроить? Вам Крым отдать? Не бывает”.

Собрались тут взрослые рабочие. Один рабочий, комсомолец, Добрынин, кричит мне: “Вы хотите в вузы, в школы попасть? Это вам не удастся”.

Подошел второй комсомолец, кандидат КП(б)У, студент сельскохозяйственного рабфака Аникиев. Он еще лучше начал:

– Эй ты, жидовская морда, что тебе здесь нужно? Пришел забирать хлеб у нашего брата? Мы вам, жида, покоя не дадим. Был бы 20-й год, я бы с тобой расправился. Все вы спекулянты. Еще и сюда пришли работать...»

Таких сообщений во второй половине двадцатых годов было множество. В статье секретаря Евсекции при ЦК ВКП мы читаем А. //..С:

«В Брянске на механическом заводе № 13 группа молодых рабочих систематически издевалась над молодым евреем-рабочим Фурмановым. Среди этой группы имеется 6 комсомольцев, из них 2 члена бюро. Комсомольская ячейка этого факта не замечала. Губком узнал лишь из докладной записки секретаря евбюро губкома. Докладная записка еще не обсуждалась. На этом заводе вообще сильны антисемитские настроения. Недавно была проведена беседа с рабочими об антисемитизме. Вот что пишет т. Иленков, проводивший эту беседу по поручению Брянского окркома ВКП:

“Присутствовавших на беседе можно разделить на три неравные группы: 1) Очень сильно зараженная антисемитскими настроениями. Эта группа активная: задавала вопросы, вставляла реплики, выступала, острела и т. п.

2) Основная масса слушателей, молчаливо соглашавшаяся с репликами и выступлениями. 3) Незначительная часть, пытавшаяся робко одернуть первых.

Партийная и комсомольская часть молчала. Секретарь ячейки, как воды в рот, набрал. Создавалось впечатление, что все солидарны с выступлениями против евреев...”

В ВУСПС (Харьков) ежедневно [!] поступают сведения с мест, свидетельствующие об усилении антисемитских настроений среди некоторых наиболее отсталых групп рабочих. Особенно сильно развит антисемитизм на предприятиях, связанных по характеру своего производства с селом, в частности, на сахарных и винокуренных заводах. Так, на Браиловском сахарном заводе, в Винницком округе, группа хулиганов заперла еврея Этина в сернокислотном отделении, откуда он был извлечен с сильными признаками отравления. На сахарном заводе им. Ланцупкого, в Шепетовском округе, группа антисемитов долгое время издевалась над евреем Куржем, в результате чего Курж заболел психическим расстройством. На Уладовском сахарном заводе, в Винницком округе, антисемиты избили рабочего Швейрука, выдвинутого в кандидаты в члены завкома. На Богуславской суконной фабрике ученик-еврей Бурсук подвергался систематическим преследованиям и избиениям со стороны группы хулиганов».

Другой автор писал одновременно в органе Главполитпросвета РСФСР (Нагорный Г. На борьбу с антисемитизмом; // Коммунистическое Просвещение. 1929. Май. С. 32–33):

«Вот некоторые факты выступлений антисемитов в рабочей среде, обнаруженные только за последние два-три месяца:

“Ты не бойся, когда будет погромчик, я тебя укрою”, так “невинно шутили” над продавцом Гальпериным его сослуживцы по магазину Мосторга на Красной Пресне. Шутки закончились избиением Гальперина продавцом Голубковым. Когда подняли вопрос об увольнении Голубкова, предместкома Кузьмичев (член ВКП), заявил: “Мы не допустим, чтобы из-за жида увольняли русских”.

С Кузьмичевым солидарен директор Ново-Богоявленской фабрики Чихачев: “Антисемитизм не причина для увольнения”, заявил он, когда бюро ячейки предложило уволить рабочих-антисемитов, преследовавших молодого инженера Гуревича. Кто-то из них подсыпал песок и опилки в масло мотора, чтобы “известить” ненавистного им инженера. Только случайность спасла фабрику от катастрофы. Гуревичу пришлось уйти. Антисемиты торжествуют.

На Керченской консервной фабрике “Воля Труда” группа рабочих преследовала черного рабочего еврея Гутмановича, били его проволокой по спине... Антисемит Ничугин в присутствии предфабкома и толпы рабочих кричал: “Если этого жиденка не уберут от нас, я его задушу”. Общее собрание, на которое явились только одни приятели хулиганов-антисемитов, решило, что никакого преследования Гутмановича не было, а были лишь “обоюдные шутки”.

Иначе отнеслась пролетарская общественность к другому подобному же случаю. На заводе «Красный Прогресс» (Б. Токмак, Украина) антисемиты долго издевались над рабочим Резником, травили его, бросали в него болтами, гайками, засыпали стружками глаза, грозили убить, зарезать: наконец, комсомолец Глейх избил Резника в цеху на глазах у всех. Общее собрание, на котором присутствовали 1400 рабочих, единодушно заклеило позором хулиганов-антисемитов и потребовало общественного суда над ними. В хвосте оказалась комсомольская ячейка, она ограничилась лишь тем, что вынесла Глейху выговор.

В Пскове на заводе «Металлист» комсомолец Трофимов уже давно и систематически травил комсомольца же еврея Большеминникова. Группа комсомольцев подавала об этом заявление в бюро комсомольской ячейки, но бюро не приняло никаких мер. 14 февраля в комсомольском общежитии Трофимов зверски зарубил топором Большеминникова. Убийца с гордостью сказал своим товарищам: «А все-таки я жиденка уколошил». На допросе он заявил: «Убил, потому что я русский, а Большеминников еврей».

От антисемитской заразы оказались несвободны даже и рабочие такого культурного центра и старого центра рабочего движения, как Ленинград (Добин Еф. Правда о евреях; Л., Красная Газета., 1928. С. 5):

«На зав. “Лит” антисемиты под руководством мастера-инструктора начали с криков по адресу евреев рабочих: “жиды”. Потом на стенах уборной был вычерчен лозунг: “Бей жидов, спасай Россию”. Потом, вдохновившись безнаказанностью, избили кирпичами т. Меллера, потом т. Елашевича и ряд других евреев. Или другой случай, тоже ленинградский:

На заводе им. Марти “шуточки” и анекдоты на еврейские темы в большом ходу среди комсомольцев даже среди актива. Мудрено ли, что член бюро коллектива этого завода пригрозил комсомольцу-еврею, выступавшему против него на собрании: “Если ты, жидовская морда, посмеешь еще хоть раз выступить, я с тобой разделаюсь”. Мудрено ли, что на этом самом заводе несколько рабочих травили и избивали еврея-комсомольца при сочувственных смешках присутствовавших здесь других комсомольцев?»

Всё же из Ленинграда сообщений о проявлениях антисемитизма попадалось в печати не очень много. Гораздо более широкое распространение антисемитизм, по-видимому, получил в Москве. Для характеристики развития антисемитизма в Москве имеется в печати – в виде редкого исключения – документ, перечисляющий уже не отдельные случаи проявления антисемитизма, а дающий общую характеристику распространения антисемитизма среди московских рабочих. Это «сводка» Московского городского совета профсоюзов за февраль 1929 года «об антисемитизме среди членов профсоюзов». Составлялись ли такие сводки и за другие месяцы, установить невозможно. Целиком и эта сводка, по-видимому, нигде опубликована не была, но в книге Юрия Ларина об антисемитизме в СССР цитируются обширные выдержки из нее, которые я привожу с некоторыми сокращениями (Ларин Юрий. Евреи и антисемитизм в СССР; М.; Л., Госиздат., 1929. С. 238–239):

«Антисемитские настроения среди рабочих распространяются, главным образом, среди отсталой части рабочего класса, связанной с крестьянством, среди женщин... Часто рабочие, замеченные в антисемитских выражениях, недостаточно уясняют себе его контрреволюционное значение. Имеется много фактов, когда в числе антисемитов встречаются комсомольцы и члены партии.

Особенно распространены толки о еврейском засилье. Широко распространены оскорбительные выпады, передразнивание, насмешки по адресу работающих евреев. Распространено рассказывание разных анекдотов о евреях. Антисемиты-администраторы используют свое положение для травли и выживания евреев. Злостные антисемиты избивают евреев и стараются втянуть их в драку.

Антисемитизм выливается подчас в выкрики, угрозы и призывы, близкие к погромным, также в виде анонимных надписей, записок. На собраниях, в беседах и лекциях учащаются

случаи антисемитских выкриков, выступлений, записок. Часто встречаются записки и выступления, поддерживающие версию об исключительной борьбе советской власти только с православной религией... Имеются случаи, когда евреи, подвергшиеся травле, молчат об этом, не апеллируя к общественным организациям – по-видимому, боясь преследований или не надеясь найти достаточную поддержку.

Со стороны профсоюзных организаций отсутствует постановка организованной борьбы с антисемитизмом. Очень часто местные профорганизации своевременно не выявляют антисемитские настроения, не реагируют на проявления их и не принимают мер к их изживанию. Со стороны низовых профорганизаций отмечаются факты примиренческого, недопустимо терпимого отношения к проявлениям антисемитизма. Были факты, когда в низовых профорганизациях пытались замазывать проявления антисемитизма.

Все же за самое последнее время отмечается небольшой сдвиг. Передовая часть рабочих часто дает примеры сознательной борьбы с проявлениями антисемитизма со стороны отдельных товарищей и реакционных элементов».

Происхождение антисемитизма среди рабочих

Советская печать пыталась объяснить распространение антисемитизма в рабочей среде во второй половине двадцатых годов, главным образом, притоком в промышленные предприятия «отсталых» рабочих из деревень, а только что цитированная «сводка», наряду с «отсталой» частью рабочего класса, связанной с крестьянством», в качестве носителей антисемитизма подчеркнула еще и роль женщин. Это последнее замечание – о роли женщин в распространении антисемитизма – не кажется обоснованным: среди множества фактов проявления антисемитизма, отмеченных в печати, – а выше я привел лишь небольшую часть имеющегося материала, – лишь в очень редких случаях отмечается активная роль женщин в антисемитских выступлениях. Более правильно указание на отсталые элементы рабочего класса, но, по-видимому, чрезвычайным преувеличением является объяснение антисемитских настроений отсталых рабочих их деревенским происхождением. При внимательном изучении имеющегося материала невольно бросается в глаза, что среди сообщений о проявлениях активного антисемитизма во второй половине двадцатых годов почти нет сообщений о конкретных проявлениях антисемитизма в деревне.

Эта волна антисемитизма была в основном городским явлением.

Вопреки господствующему в литературе воззрению, основным источником проникновения антисемитских настроений в рабочую среду был не приток отсталых рабочих из деревни, а приток в промышленные предприятия рабочих и служащих из среды выбитых революцией из привычной колеи жизни разоряющихся средних и низших слоев городского населения. Это было гораздо более опасное явление, чем простая «отсталость» выходцев из деревни, уже в силу своей отсталости не имевших возможности оказывать значительное влияние на окружающую их новую среду. Этим происхождением антисемитизма 20-х годов, вероятно, и объясняется тот факт, что он захватывал отнюдь не одних лишь выходцев из деревни, но, как это видно из приведенных выше сообщений, глубоко проник в промышленные предприятия, в компартию и комсомол; больше того: в ряды партийного, комсомольского и профсоюзного актива. «Отсталых» рабочих, недавно прибывших из деревни, среди этого актива почти нет.

Яркой иллюстрацией зараженности в этот период антисемитскими настроениями партийной и комсомольской среды на московских фабриках (что уж говорить о многих провинциальных центрах!) может служить сообщение Ларина о «вопросах-записках», полученных им на специальной «консультации по антисемитизму», состоявшейся в августе 1928 года «в кабинете партработы одного из райкомов Москвы». На собрании присутствовали несколько десятков рабочих из различных московских промышленных предприятий: «передовики-партийцы», комсомольцы и несколько «сочувствующих», словом, весь человеческий материал, из которого формируется партийный, комсомольский и профсоюзный актив. В огромном большинстве поданных докладчику записок-вопросов явственно чувствовались антисемитские настроения. Вот несколько из этих вопросов (полный список этих вопросов – всего их было 66 – приводится у Ларина. С. 241–244):

«Почему евреи не хотят заниматься тяжелым трудом?» – «Почему евреям дали хорошую землю в Крыму, а русским дают, где похуже?» – «Почему евреи везде устраиваются на хорошие места?» – «Почему партийная оппозиция на 76 % была из евреев?» – «Почему евреев много в вузах, не подделывают ли они документы?» – «Не изменят ли евреи в случае войны и не уклоняются ли они от военной службы?» – «Можно ли назвать антисемитом того, кто шутя говорит “жид”, и как следует относиться к подобным шуткам вообще?» – «Отыскивать причину антисемитизма следовало бы в самой [еврейской] нации, в ее нравственном и психологическом воспитании».

Антисемитизм в высшей школе

Еще более поражает – и подтверждает выдвинутую выше гипотезу о происхождении советского антисемитизма 20-х годов – широкое распространение антисемитизма в рассматриваемый нами период в школе, особенно в высшей школе (сообщений об антисемитизме в народной школе в печати попадаетеся гораздо меньше и на них – в интересах экономии места – я здесь не останавливаюсь. В виде примеров можно назвать случаи, отмеченные у Горева. С. 10–12, или в телеграммах ЕТА из Ленинграда от 5 июня и из Москвы от 7 июня 1928 года («The Jewish Daily Bulletin». 1928. June 6 and 8.)).

В цитированной уже выше брошюре Добина мы читаем (Добин. С. 3–4):

«В день, когда пишутся эти строки, в “Комсомольской Правде” опубликованы кошмарные случаи, от которых веет средневековой жутью. Речь идет о проявлениях антисемитизма в харьковских вузах.

В геодезическом институте систематически, изо дня в день долгие месяцы, за закрытой дверью студенческого общежития велась упорная травля рабфаковца-еврея Ш. Среди товарищей он чувствовал себя затравленным зверем. Каждый его шаг, движение, нечаянно оброненное слово вызывали поток грубых насмешек, площадной брани и издевательств.

Молодой студент-геодезист Ляшенко, комсомолец, издевался над Ш. только потому, что он был единственным евреем в общежитии. Закадычный друг Ляшенко, геодезист Микула, не пожелал отставать от своего приятеля. Безобидного и, может быть, не в меру покорного Ш. обливали ледяной водой, заставляли ночами бодрствовать, лежать в постели с широко раскрытыми глазами. Его будили ударом линейки по голове, сонного обливали холодной водой и кололи голые пятки кронциркулем. Глубокие и длительные обмороки явились последствием травли. Трудно было узнать рабфаковца: он постарел, осунулся и превратился в инвалида с дрожащими руками. А хулиганы продолжали издеваться. Ляшенко ударил по щеке Ш. Это вызвало похвалу Микулы и на другой день последний повторил опыты: Ш. был избит. На третий день били по лицу не руками, а грязной галошей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.